

М. Пселл

Хронография

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М11

М11 **М. Пселл**
Хронография / М. Пселл – М.: Книга по Требованию, 2017. – 324 с.

ISBN 978-5-458-24332-2

Сочинение византийского писателя XI века Михаила Пселла «Хронография» - явление исключительное в византийской литературе, талантливо написанное и совсем не похожее на традиционную средневековую историографию. Оно повествует о драматических событиях, свидетелем которых был в большинстве случаев сам писатель, а также содержит подробные рассказы о деятельности и характере самого Пселла - высокопоставленного чиновника при императорском дворе, педагога, крупного ученого-историка и философа. Образы «Хронографии» дают современному историку беспрецедентную возможность проникнуть во внутренний мир, понять скрытые пружины действий исторических деятелей Византии XI в. Но не только образы. Многочисленные исторические детали и эпизоды, обычно укрывающиеся от взора других историографов, предоставляют современному исследователю поистине бесценный материал. Однако сделаем одну оговорку. «Хронографию» нельзя оценивать, пользуясь критериями, обычными при анализе рядовой византийской хроники. Подход к ней должен быть скорее сродни методу исторического исследования памятников художественной литературы. А художественная литература, как известно, подчас служит незаменимым источником для восстановления исторической действительности минувших столетий.

ISBN 978-5-458-24332-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МИХАИЛ ПСЕЛЛ

ХРОНОГРАФИЯ

Сочинение мудрейшего монаха ипертима Михаила, повествующее о деяниях порфирородных василевсов Василия и Константина, царствовавшего после них Романа Аргиропула, царствовавшего после него Михаила Пафлагонца, царствовавшего после него его племянника Михаила (того, что сначала был кесарем), правивших вслед за ним двух порфирородных сестер, госпожи Зои и госпожи Феодоры, делившего с ними престол Константина Мономаха, госпожи Феодоры (одной из сестер, правившей единодержавно), царствовавшего после нее Михаила, царствовавшего после него Исаака Комнина — вплоть до провозглашения императором Константина Дуки.

ВАСИЛИЙ II

I. Вот так расстался с жизнью император Иоанн Цимисхий, принесший много пользы Рوميةйской державе и укрепивший ее мощь. Царская же власть полностью оказалась в руках Василия и Константина, сыновей императора Романа¹.

II. Они оба уже вышли из отрочества², характерами же различались. Василий — старший из них — производил всегда впечатление человека деятельного и озабоченного, а Константин, напротив, всем казался безвольным прожигателем жизни, будучи человеком легкомысленным и склонным к развлечениям. Они согла-

сились не делить самодержавной власти, и все правление взял в свои руки старший Василий, а его брат только унаследовал титул императора, ибо нельзя было управлять государством, не доверив самодержавной власти первому и более опытному. Поступок Константина вызывает восхищение: ведь можно было бы и поровну разделить отцовское наследие (я имею в виду царскую власть), а он уступил брату большую долю и сделал это в молодые годы, когда огонь властолюбия горит особенно ярко, да при этом и Василий был не зрелым мужем, а юнцом, как говорится, с первым пушком на щеках. Такой похвалы достойным Константина уже в начале рассказа.

III. Что же касается Василия, то он, приняв власть над Рوميةйской державой, не пожелал ни делить с кем-либо свои заботы, ни пользоваться чужими советами в управлении государством. Но положиться на самого себя царь тоже не мог, так как не было у него опыта ни в командовании войском, ни в государственном управлении, и потому он приблизил к себе паракимомена Василия³. Муж этот занимал наивысшее положение в Рوميةйском царстве, отличаясь и большим умом, и высоким ростом, и истинно царской

внешностью. С отцом Василия и Константина у него был общий родитель, но разные матери. Из-за этого его уже в раннем детстве оскопили, чтобы сын сожительницы при наследовании престола не получил преимущества перед законными детьми. Он смирился с судьбой и сохранял привязанность к царскому и, следовательно, своему роду. Но особое расположение он чувствовал к племяннику Василию, нежно его обнимал и пестовал, как любящий воспитатель. Потому-то Василий и возложил на него бремя власти и сам учился у него усердию. И стал паракимомен как бы атлетом и борцом, а Василий — зрителем, но целью царя было не возложить венок на победителя, а бежать за ним по пятам и участвовать в состязании.

Все с той поры стали послушны Василию: к нему благоволили гражданские, перед ним склонялись военные; и был он первым, если не единственным, кто пекся тогда о пополнении казны и процветании государства. Паракимомену царь отдал во всех делах язык и руку, — то поддерживая его словами, то подтверждая его решения грамотами.

IV. Большинству моих современников, видевших Василия, царь представлялся человеком угрюмым, грубого нрава, вспыльчивым и упрямым, в жизни скромным и вовсе чуждым роскоши. Но из сочинений историков, писавших о нем, я узнал, что поначалу он был не таким и от распушенности и изнеженности перешел к строгости под влиянием обстоятельств, которые как бы укрепили его нрав, сделали сильным слабое, твердым мягкое и изменили весь образ его жизни. Если в первое время он без стеснения бражничал, часто предавался любовным утехам, увлекался дружескими пирушками, уделом своим считал легкомысленные царские развлечения и отдых и вполне пользовался своим юным возрастом и царским положением, то с тех пор, как знаменитый Склир начал домогаться царской власти, а за ним Фока, затем снова Склир и другие со всех сторон выступили против царя, Василий на всех парусах пустился прочь от изнеженной жизни и, используя силу ветра, отдался серьезному делу: нападая на своих близких, захвативших власть⁴, царь стал решительно изничтожать их род.

Восстание Склира

V. По этой-то причине и начали против него беспощадную войну племянники этих людей⁵. Первым же был Склир, мудрый в советах и в делах искусный. Богатствами он владел царскими, обладал большой властью, был победителем в великих битвах, и войско целиком сочувствовало его намерениям. Заручившись поддержкой многих людей, он первый отважился на войну с Василием, двинул на него все конное и пешее войско и дерзко отправился завоевы-

вать царскую власть, будто она его так и дожидалась⁶. Узнав, что все тяжеловооруженные воины стеклись к Склиру, император и его приближенные решили сперва, что погибли, но затем, собравшись с духом, рассудили иначе и нашли, можно сказать, выход из безвыходного положения: сочли некоего Варду, племянника императора Никифора, человека благородного и мужественного, достойным противником мятежного Склира, верили ему оставшиеся силы, поставили военачальником и послали на борьбу со Склиром.

VI. Однако самого Варду, который был царского рода и высоко мнил о себе, они опасались ничуть не меньше Склира. Поэтому они совлекли с него гражданское платье и все знаки власти, ввели его в церковный клир⁷, взяли торжественное обещание не поднимать мятежа и не преступать клятвы и, только обезопасив себя таким образом, отправили его с войском⁸.

VII. А был этот муж, как рассказывает историк, нравом похож на своего дядю-императора: всегда озабоченный и настороженный, он умел все предвидеть и увидеть, был искушен в военных хитростях, опытен в разного рода приступах, засадах и в открытых сражениях. В боевых же схватках он был решительней и мужественней его. Раненый им враг тотчас испускал дух, и одним боевым кличем приводил Варда в замешательство целую фалангу. Таков был Фока. Разделив свои силы и разбив их на отряды, он не раз и не два обращал в бегство отряды Склира, во много раз более многочисленные, чем его собственные. Насколько он уступал неприятелю числом воинов, настолько превосходил его доблестью, искусством и военной хитростью.

VIII. В конце концов оба полководца решили сразиться друг с другом и согласились встретиться в единоборстве. И вот они сошлись на поле, разделявшем войска и, едва окинув друг друга взором, тотчас же начали поединок. Мятежник Склир в своем яростном натиске не стал заботиться о должной осторожности и, приблизившись к Фоке, первым изо всех сил ударяет его по голове, и стремительный бег коня придает его удару еще большую мощь. А Фока, хоть на мгновение и выпустил от неожиданности поводья, быстро пришел в себя и ответил противнику таким же ударом по голове, остудив его пыл и обратив в бегство⁹.

IX. Оба сочли такой суд окончательным и бесспорным. Отчаявшийся Склир, который с Фокой бороться был не в состоянии, а к императору перейти стыдился, принял весьма ненадежное и неразумное решение: вместе со всем войском он покинул ромейские пределы и двинулся в Ассирийскую землю, дав знать о себе царю Хосрою¹⁰, но возбудил в нем подозрения. Опасаясь скопления воинов и неожиданного нападения, царь велел их заключить в оковы и держать в надежной тюрьме¹¹.

Восстание Варды Фоки

Х. Тем временем Варда Фока вернулся к императору ромеев, удостоился триумфа и стал одним из близких к царю лиц. Так закончился первый мятеж, и император Василий, казалось, освободился от забот. Но это избавление было на самом деле лишь началом многих бед. Дело в том, что Фока, которого сначала удостоивали немалых почестей, а потом все меньших и меньших, понял, что вновь обманулся в ожиданиях. Полагая, что он не преступает клятвы, поскольку она действительна только при определенных условиях, Варда вместе с большей частью войска учинил против Василия мятеж еще опаснее и грознее описанного. Прежде он привлек на свою сторону самые могущественные в то время роды, отложился от императора, набрал войско из ивиров¹² (это все мужи ростом чуть ли не до десяти стоп^{12а}, видом очень суровые) и уже не в помыслах, а на деле надел императорскую тиару и облачился в платье царского цвета¹³.

ХI. Дальше же происходит вот что. В Вавилоне¹⁴, где искали защиты и, как уже говорилось, обманулись в своих надеждах воины Склира, началась война с чужеземцами, война тяжелая и страшная, потребовавшая много отрядов и много воинов. Хосрой не мог обойтись собственной армией и потому, возложив надежды на беглецов, сразу освободил их из оков, вывел из тюрьмы и выстроил против вражеских отрядов. Эти доблестные, воинственные и искушенные в военном деле мужи разомкнули строй и с боевым кличем понеслись на врагов, одних из них убили на месте, других обратили в бегство и, преследуя до самого лагеря, уничтожили всех до единого. Они уже повернули было назад, но затем, как бы повинувшись душевному порыву, помчались прочь, ибо опасались, что варвар снова встретит их неласково и опять заключит в оковы. Все вместе стремительно бежали ромей, и, только когда они оказались далеко от Ассирии, варвар узнал об их исчезновении и приказал собравшимся воинам отправиться вдогонку за ними. Полчища врагов обрушились с тыла на наших воинов, но смогли лишь убедиться, насколько уступают они ромейской силе. Преследуемые неожиданно повернули коней и вступили в сражение — немногие против многих; но вскоре врагов осталось мало, да и уцелевшие обратились в бегство¹⁵.

ХII. Между тем Склир вновь задумал овладеть престолом и захватить власть, ибо Фока в это время уже ушел из столицы, а царское войско было рассеяно. Однако, подойдя к ромейской границе, он узнал, что Фока объявил себя императором. Тогда Склир, не имея сил, чтобы еще и с царем сражаться, самодержцу нанес новое оскорбление, а к Фоке явился, смилив гордыню, уступил ему первенство и согласился занять второе место после него¹⁶. Затем они разделили на две части военные силы и придали мя-

тежу новый размах. Уповая на отряды и укрепления, они спустились к прибрежным крепостям Пропонтиды, разбили для безопасности лагеря и готовы были приступить к переправе через море¹⁷.

XIII. Царь Василий порицал неблагодарных ромеев, и поскольку незадолго, перед тем явился к нему отряд отборных тавроскифских воинов¹⁸, задержал их у себя, добавил к ним других чужеземцев и послал против вражеского войска. Те застали неприятелей врасплох, готовившихся не противника побить, а вина попить, многих убили, а остальных рассеяли, и поднялся среди мятежников бунт против самого Фоки.

XIV. Набираясь военного опыта, находился в ромейском войске царь Василий, в то время юноша с едва пробивающейся бородой. Не преминул занять место в боевых порядках и брат его Константин, который стоял в строю, облачившись в доспехи и потрясая длинным копьем.

XV. Отряды выстроились друг против друга, по берегу — царские, на холмах — узурпатора, а между ними оставалось свободное пространство. Когда Фока узнал, что в строю находятся императоры, он не стал откладывать сражение, выбрал день, которому суждено было окончательно решить исход войны, и отдался на волю судьбы. При этом он действовал вопреки советам своих прорицателей, которые, совершив жертвоприношение, старались удержать его от битвы; не посчитавшись с ними, он пустил вскачь коня. Рассказывают и о зловещих знамениях. Конь, на которого он сел, сразу же под ним поскользнулся; Фока пересел на другого, но и с тем через несколько шагов случилось то же самое. Цвет лица его изменился, сознание помутилось, началось головокружение. Но ничто не могло остановить этого человека, коль скоро он приготовился к бою; выдвинувшись на переднюю линию и находясь уже невдалеке от царского войска, он собрал вокруг себя пеший отряд — были это воинственные ивиры, цветущие юноши с первым пушком на щеках, одинаково высокого, как по мерке, роста, с мечами в руках, неудержимые в натиске, — одним мановением руки увлек их за собой, опередил фалангу, и с боевым кличем, опустив поводья, понесся прямо на императора; правой рукой он сжимал рукоять высоко поднятого меча, которым готовился поразить Василия.

XVI. Так дерзко устремился мятежник на Василия, а тот выехал из рядов и остановился, держа в одной руке меч, а в другой образ богоматери¹⁹, в которой видел оплот против неудержимого натиска врага. Словно туча, гонимая могучим ветром, несся Фока на противника, вздымая пыль, а наши воины с обеих сторон принялись метать в него дротики, и, потрясая длинным копьем, выдвинулся вперед из строя Константин. Но не успел еще Фока далеко отъехать от своего войска, как неожиданно вывалился из седла и рухнул на землю. Разные люди рассказывают об этом по-

разному. Некоторые утверждают, что он был ранен дротиком и упал от смертельного удара, другие говорят, будто из-за расстройств и болезни живота у него вдруг потемнело в глазах и он свалился с коня, потеряв сознание.

Царь Константин хвастливо приписывал убийство узурпатора себе. Но большинство полагало, что все это было результатом заговора. Яд, замешанный для него и выпитый им, во время движения внезапно поднялся к голове, проник в мозг, вызвал головокружение и падение. И был-де это приказ Василия, а выполнила его рука виночерпия при мятежнике. Я со своей стороны ясности в это дело не вношу, а все за счет богоматери отношу.

XVII. И вот тот, кто всегда был недосыпаем для мечей и копий, упал на землю. О, прискорбное и достойное жалости зрелище! Когда оба войска это увидели, мятежное сразу разбилось на части, его плотный строй разомкнулся, подался назад и побежал, приближенные царя поспешили к упавшему (ивирь уже рассеялись), разрезали его тело ножами на куски, а голову отрубили и доставили Василию²⁰.

XVIII. В результате всего этого царь сделался совсем другим, его не столько радовало случившееся, сколько удручало печальное положение дел. Он ко всем стал подозрителен и суров, в мыслях коварен, к провинившимся же питал гнев и злобу.

Удаление от дел и отставка паракимомена Василия

XIX. Он не желал больше уступать правления паракимомену Василию, тяготился этим человеком, всячески проявлял к нему ненависть и отвращение, и уже ничто, ни род, ни добрые дела, ни муки, принятые ради царя, ни высокий титул, не вызывало больше императорской благосклонности. Напротив, ему казалось невыносимым, что он, император, выйдя из младенчества, будто бы вовсе и не царь, а делит власть с кем-то еще и занимает в государстве второе место. Постоянно волнуемый такими мыслями, постоянно мучимый сомнениями, он в один прекрасный день, наконец, решился и сразу отстранил паракимомена от власти; при этом он не потрудился хоть как-то смягчить этот удар, но все сделал самым диким образом, которому нельзя найти никакого оправдания: посадил Василия на корабль и отправил в ссылку²¹.

XX. Нанесенный паракимомену удар стал для Василия не концом, а началом новых бедствий. Император мысленно вернулся к первым годам своего самодержавия, времени, когда делами стал править паракимомен, припомнил обо всем им сделанном с той поры, того, что тот сделал на благо царя и для пользы государства, менять не стал, но попытался отменить многочисленные распоряжения, касавшиеся раздачи благодеяний и чинов, утверждая при этом, что знал только о первом, а о втором не имел никакого

понятия. Всеми способами старался царь нанести паракимомену ущерб и причинить горе. Так, например, он решил разрушить до основания великолепный монастырь, который тот соорудил в честь Василия Великого, по имени которого и был сам назван монастырь, воздвигнутый с огромным трудом и необычайной роскошью, в котором пышность сочеталась с красотой и где благодаря нескудным дарениям всего было больше, чем нужно. Остерегаясь нечестия, он кое-что оттуда вынес, остальное сломал (утварь, мозаику), и не остановился до тех пор, пока, как он говорил в шутку, монастырь не превратился из места уединения в место раздумий²², поскольку его обитатели должны были раздумывать, где добыть себе еду²³.

XXI. Ежегодно подвергаясь, можно сказать, таким ударам, паракимомен в отчаянии не знал, как избавиться от страданий, и нигде не находил утешения. Свергнутый с высот власти, этот великий человек, чье сердце было преисполнено гордыни, перестал владеть собой; разбитый параличом и ставший мертвым еще при жизни, он вскоре испустил дух и сделался для нашей жизни истинным образцом и великой легендой, более того — примером коловращения всего, рожденного в этом мире. Василий умер, прожив отмеренную ему жизнь.

XXII. Император Василий, осознав, сколь многообразны царские заботы и что не простое и легкое это дело править таким государством, стал воздерживаться от всякой распущенности, отказался от украшений, не носил уже ни ожерелий на шее, ни тиары на голове, ни роскошных, отороченных пурпуром платьев, снял лишние перстни, сбросил пестро окрашенные одежды; он был постоянно сосредоточен и озабочен тем, как привести в царственную гармонию дела своей державы. Он стал с пренебрежением относиться не только к чужим людям, но даже к собственному брату, которому позволил иметь при себе лишь немногочисленную стражу, а в большей чести и пышности отказал из зависти. Ограничив прежде всего — об этом уже говорилось — самого себя и с легкостью отказавшись от чрезмерной роскоши, он мало-помалу ослаблял и власть брата и таким образом легко прибрал его к рукам. Предоставив тому наслаждаться прелестями полей, удовольствием от бань и охотой, любителем которой тот был, сам Василий обратился к терпящим бедствие пограничным областям, решив избавить державу от варваров, окружавших наши земли на востоке и западе.

Второе восстание Склира после гибели Фоки

XXIII. Однако осуществить это намерение Василию удалось лишь позже, так как в то время ему помешал выступить против варваров Склир, приковавший к себе все его внимание. Дело в том, что после гибели Фоки войны под его командованием, еще до